

ron» (initially the hero chooses a false assistant), «Platon Krechet» (the hero needs help and at the same time he acts as an assistant), «Banker» (the fairy-tale storyline is connected with the fate of the secondary character), «Elite» (the play contains a fabulous «second passage»: the place of the protagonist took false heroine).

Like the fairy tale, the final, almost in all O. Korniyuchuk's works, in the 20–30's ends with the victory of the hero (with the exception of the plays «Storm», «Filotova pike», «Bogdan Khmelnytsky»). In the course of the analysis it was found, that the plot, in the majority of the writer's plays, is based on the plot of the fairy tale. The fairytale is the author's main thing of the artistic toolkit. That's why is very popular in the middle of the XX century.

Key words: folklore, literary works, initiation, archetypes of the fairy-tales, mythological spatial semantic, play, dramatist, Olexandr Korniyuchuk.

Отримано: 8 серпня 2017 р.

УДК 821.161.1.09

П. Л. Шульк

РОМАНЫ БАТЬИ ГУР: ПОД МАСКОЙ ДЕТЕКТИВА

Детектив как жанр относительно недавно (последние десятилетия XX века) заявил о себе как о части израильской литературы. Но хотя израильские детективы переводятся на другие языки и пользуются определенной популярностью как в Израиле, так и за рубежом, они не становятся объектом научного исследования. Причин этому, по нашему мнению, несколько: во-первых, политический аспект сложившегося в мировом сообществе мировоззрения, когда ко всему израильскому относятся с определенным предубеждением; во-вторых, израильский детектив, в отличие от других национальных литератур (например, английской, американской и др.), не имеет богатых традиций и часто использует уже существующие в детективной литературе лекала, схемы, средства, приемы; в-третьих, слово *израильский* сразу настраивает читателя на однозначное восприятие, которое направлено на «долгожданный и обещанный колорит Земли Обетованной» с прогнозируемым арабо-израильским конфликтом, международным и внутренним терроризмом и т.п., что способно увести исследователя от литературных проблем. Но в то же время именно указанные причины расширяют возможности развития израильского детектива, для которого политический аспект превращается в фактор, усиливающий его стремление интегрироваться с другими национальными литературами, существующие традиции составляют основу для экспериментов, а сам Израиль воспринимается как «подлинный кладезь» [9] сюжетов.

Среди мастеров израильского детектива в первую очередь называют Батью Гур, до которой, как утверждают, «в израильской литературе этот жанр был почти неизвестен» [8]. Несмотря на популярность (особенно в 80-е годы XX ст.) у израильских читателей («королева детектива» [10], «израильская Агата Кристи») и интерес зарубежных любителей детектива (ее романы переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, голландский, испанский, русский языки), литературная критика не всегда благосклонна и объективна в оценке ее творчества. Как утверждает испанский критик Федерико Хименес Лосантос в статье «Мимолетная звезда черного романа» [11]: «Акцент на политике лишает ее заслуженного сопоставления с Большой Литературой, которую она любила» [цит. по 10]. Остается вслед за Федерико Хименес Лосантосом сожалеть, «что антисионистская пропаганда ... превращает великую писательницу, которой была Батя Гур, в обычную воинствующую левую активистку» [цит. по 10].

Ради справедливости надо отметить, что у этой «пропаганды» есть определенные основания. О политических взглядах писательницы, «левой интеллигентки, представительницы радикального крыла Партии труда, публично признанной палестинцами» [10], хорошо известно в Европе. Ее стремление «разоблачить и компенсировать социальную несправедливость израильского государства» четко проступает в цикле романов о Михаэле Охайоне. Образ главного героя, привлекательного, успешного следователя с университетской степенью, – вызов израильскому обществу, которое, по мнению левых радикалов, дискриминирует восточных евреев: «Он – сефард, родом из Марокко, приехал в Израиль в возрасте трех лет. В Израиле марокканцы считаются «вторым Израилем», они самые незащищенные» (из интервью Батьи Гур 2003 г.) [цит. по 10].

Напряженность между сефардами и ашкеназами, вражда между евреями и арабами, коррупционные скандалы, тень международного терроризма – все это есть в романах писательницы. И это не удивительно для *израильской* писательницы. Но хотя Батя Гур не «бежит от политики»,

можно с уверенностью сказать, что политические предпочтения писательницы не умаляют популярность ее романов, которые вслед за Николаем Александровым («Эхо Москвы») можно называть «неожиданным вариантом детектива» [2]. И этот вариант требует серьезного исследования, поскольку расширяет представления о современном детективе и раскрывает особенности его израильской версии.

Объектом исследования статьи стали романы из цикла о Михаэле Охайоне, три из которых переведены на русский язык и поэтому могут быть доступны отечественному читателю – «Убийство в субботу утром» [4], «Убийство на кафедре литературы» [5], «Убийство в киббуце» [3]¹.

Ответ на вопрос – как «сделаны» детективы Батьи Гур? – лишен однозначности. В том, что действие каждого романа происходит в специфическом, даже в какой-то степени закрытом, коллективе со своими правилами, законами, традициями, позволяют одним увидеть в них влияние британского детектива, другим усмотреть кальку с советского «производственного» романа [10]². Первые рассматривают произведения писательницы с точки зрения законов детективного жанра, другие отмечают нарушение этих законов. И те, и другие оказываются в плену оценочных стереотипов, а иногда становятся заложниками некачественных переводов.

Внешняя структура романов выдержана в хороших традициях детективного жанра. Детективная природа романов заявлена уже в названиях, где присутствуют слова *убийство* (פשח), *смерть* (מוות), а там, где их нет, писательница добавляет подзаголовок. Дословный перевод сделать сложно, так как названия некоторых произведений представляют собой понятия, известные только израильскому читателю³. В большинстве исследований чаще используют английский перевод названий, где на первом плане оказывается их детективная природа.

Название на иврите	Перевод (подстрочный)	Перевод с английских названий романов
[16] רצח בשבת בבוקר : רומאן בלשי	Убийство в субботу (шабат) утром: детективный роман	The Saturday morning murder: a psychoanalytic case – Убийство в субботу утром: психоаналитическое дело: критический случай
[14] מוות בחוג לספרות : רומן בלשי	Смерть на кафедре литературы: детективный роман	Literary murder: a critical case – Убийство на кафедре литературы
[13] לינה משותפת : רצח בקיבוץ : רומן בלשי	Общий ночлег: убийство в киббуце: детективный роман	Murder on a kibbutz: a communal case – Убийство в киббуц: коммунальное дело
[12] המרחק הנכון : רצח מוסיקלי	Правильное расстояние: музыкальное убийство	Murder duet: a musical case – Убийство дуэта: музыкальное дело
[15] רצח בדרך בית-להם	Убийство по дороге в Вифлеем	Bethlehem Road murder: A Michael Ohayon mystery – Убийство по дороге в Вифлеем: тайна Михаэля Охайона
[17] רצח, מצלמים	Убийство, снимают фильм (фотографируют)	Murder in Jerusalem: A Michael Ohayon Mystery – Убийство в Иерусалиме

Но попытка исследовать романы Батьи Гур только как детективы не дают возможности оценить их по достоинству, поэтому произведения часто упрекают за монотонность, отсутствие динамики: «экскурсы в интимные переживания героев делают повествование несколько неповоротливым» [8]. И все потому, что произведения израильской писательницы выходят за рамки обычного детектива (на это указывают уже названия на иврите). Это утверждают многие исследователи и предлагают варианты их жанрового обозначения: «психологический детектив», «интеллектуальный детектив».

Чтобы раскрыть преступление, необходимо понять его мотив. Чтобы определить особенности детективов Батьи Гур, надо понять их цель. Обратимся к роману «Убийство на кафедре литературы» прежде всего потому, что это единственный роман Батьи Гур, который переведен прямо с оригинала, и потому, что, будучи филологом, писательница хорошо знает среду, которую описывает, и тем самым облегчает работу следователя Михаэля Охайона⁴, который может, надолго не отвлекаясь вместе с автором на изучение жизни коллектива, сосредоточиться на выяснении жизненного кредо каждого из «фигурантов дела».

Название этого романа (см. ивритское название: не *убийство*, а *смерть*), как и во всех других произведениях цикла, приводят к мысли, что детектив может быть только формой, с помощью которой писательница стремится сказать что-то важное. В нем, как и в других, дей-

ствие происходит в специфическом коллективе, обществе, которое живет по своим правилам и законам. Перед нами один из вариантов «университетского романа»: «здесь воссоздается атмосфера университетской кафедры, кафедры литературы Иерусалимского университета, с хорошо узнаваемыми деталями и персонажами» [10], здесь присутствуют реалии университетской жизни: ее распорядок, семинары, лекции, стажировка, сложные отношения между сотрудниками. В университетском коллективе есть те, кого установленный порядок в общем устраивает, и они, иногда по инерции, следуют ему, есть фанаты созданного устава и такие, у кого внутреннее его неприятие перерастает во внешние действия. И происходит убийство, в основе которого, как почти всегда в произведениях Батьи Гур, лежит идея. Этим ее герои напоминают героев Достоевского, на что иронично указывает в романах сама писательница.

Один из исследователей назвал свою, мягко говоря, не совсем лестную статью о романе «Чисто литературное убийство» [8]. Но перед нами действительно «чисто литературное убийство». И потому, что действие происходит на кафедре литературы, и потому, что причиной является литературное творчество, и потому, что мотивы и разгадку одного из двух преступлений подсказывают литературные произведения.

Детективная линия развивается по четко выверенному и почти предсказуемому плану. Роман начинается с научного семинара, после которого одна за другой следуют смерти двух его участников, учителя и ученика, исследователей ивритской поэзии, между которыми во время дискуссии вспыхивает неожиданное для других противостояние. Сначала при загадочных обстоятельствах погибает в Эйлате во время подводного плавания в Красном море аспирант Идо. Кто-то подменил в баллоне акваланга кислород углекислым газом. Затем в своем кабинете найден убитым, точнее забитым бронзовой статуэткой, заведующий кафедрой литературы Иерусалимского университета. Следователю придется много потрудиться, чтобы, сопоставив факты, понять причины противостояния Тироша и его ученика и на основе этого объединить две смерти в одно дело.

Поиски убийцы заведующего кафедрой начинаются сразу после обнаружения трупа. Следователь Михаэль озабочен прежде всего мотивом, толкающим на преступление. Для этого он должен создать психологический портрет как преступника, так и жертвы, заслужившей такое наказание. Иногда кажется, что он слишком уж увлекается этим занятием, забывая о преступлении, и главная задача детективного сюжета – найти убийцу – уходит на периферию.

Так или иначе под подозрение попадают все, так как мотив мог быть у каждого: испорченная карьера, разбитое сердце, загубленная жизнь, униженное достоинство. Известный поэт, литературовед, преподаватель, влиятельная личность, не очень обременял себя моральными обязательствами по отношению к окружающим, так как считал себя выше других, «право имеющим», право, которое он присвоил себе сам еще давно вместе со стихами замученного в ГУЛАГе талантливого поэта. Поэтому неожиданно звучат для следователя слова д-ра Тувье: «Шауль Тирош был вне добра и зла» [5, 158]. Это именно тот Шауль Тирош, который издает чужие стихи под своим именем, а чтобы хоть как-то сгладить свою вину и выполнить обещание, издает под именем погибшего поэта свои слабые, не представляющие ценности опусы, и именно этот Шауль Тирош стает первым убийцей. Психологическая мотивировка первого убийства понятна. Его цель слишком низменна и эгоистична – избежать возмездия. Чтобы скрыть свои предыдущие преступления, «сделавшие ему имя», кумир общества убивает своего любимого аспиранта, неожиданно раскрывшего историю с подменой стихов. Цинизм и беспринципность преступника подчеркивает тщательная подготовка к убийству: любовная связь с женой будущей жертвы, подмена газа в баллоне акваланга в ее доме, махинации с приобретением углекислого газа и т.д.

А вот попытка разгадать психологию второго убийства, имеющего много мотивировок и подозреваемых, заводит следователя в тупик. И тогда писательница подбрасывает Михаэлю подсказки. В «литературном» убийстве – литературные подсказки. Теория Раскольниковы получает неожиданную трактовку в лекции Шая Тувье, преданного Тирошу друга, коллеги, обожествляющего его настолько, что определив себе место «твари дрожащей», он предоставляет заведующему право даже на любовную связь с собственной женой. Нет, речь на лекции-семинаре идет вовсе не о романе Достоевского, а о библейских аллюзиях в стихотворении современного израильского поэта Натана Заха «Самсоновы волосы»:

САМСОНОВЫ ВОЛОСЫ

Самсоновы волосы никогда не были мне понятны:
их огромная сила, аскетизм охраняемой тайны,
запрет (да не осудят его) проговориться случайно,
вечное опасенье лишиться кос,
паника всякий раз,
когда Далила проводит рукою по глади волос.

Я хорошо понимаю, однако, волосы Авессалома.
Понятно, что он красив, как солнце полного дня,
как месяц багровый мести.
Запах, что от него исходит, слаще сладости женских духов,
Ахитофель, холодный и злой, принуждён отводить глаза.

Когда он видит перед собою причину любви Давида.
Эти чудные волосы, лучшие в царстве, явно могут
всяческий бунт оправдать, а потом – и дуб [6].

Непонятную для студентов связь между Самсоном и Авессаломом Тувье объясняет с помощью библейских текстов их общей принадлежностью к Сверхчеловеческой Красоте, Красоте с большой буквы: «С большой буквы <...> – и потому ей невозможно сопротивляться. <...> Перед красотой...моральные ценности не могут устоять» [5, 201–202]. И далее, интерпретируя образ Авессалома в трактовке Натана Заха, преподаватель подчеркивает: «Бунт против царя-отца представлен в стихах как неотвратимое следствие красоты Авессалома. Сублимация его красоты – за пределами человеческих ценностей. Человеком начинают овладевать нечеловеческие силы» [5, 202]. Чем не вариант теории Раскольниковца в приложении к искусству? Психологический портрет литературоведа, предложившего эту интерпретацию, никак не дается следователю. Равнодушный, ничем не примечательный, замкнутый он превращается на лекции в полного силы, решительного, воодушевленного человека. Интуиция (и Батья Гур) подсказывает Михаэлю Охайону, что не только для Тувье, но и для него в анализируемом тексте скрыто нечто важное. Однако увлекшись личностью лектора, следователь приходит к единственному выводу: Тувье надо вычеркнуть из списка подозреваемых. Но факты упрямая вещь, а если к ним приложить результаты детектора лжи и разгадку первого убийства, становится понятно, кто убил заведующего кафедрой литературы. Только по-прежнему остаются загадкой для следователя мотив преступления и характер убийцы, которым оказался человек, принесший свою жизнь в жертву фальшивому кумиру, – Шай Тувье. Последний допрос и исповедь Тувье все ставит на свои места: «И не важно, был Тирош хорошим человеком или плохим. Любил я его или нет – это совершенно не важно и не имеет никакого отношения к делу. <...> И даже Ницше согласился бы с тем, что Тирош – гений, а для гения нужно создать особые условия. Но когда выяснилось, что он – не гений, а посредственный сочинитель, я обязан был восстановить правильный ход вещей. Ради всего мира, ради будущих поколений. Я должен был уничтожить того, кто нарушил, оболгал святыню» [5, 354]. И далее: «... он жил за счет искусства, созданного другим, – он потерял право на существование. Он извлекал личные выгоды из высшей ценности – искусства, ничего не давая взамен. Вы ничего не понимаете! Он поставил на передний план себя, а не искусство. <...> Понимаете, у меня нет никаких угрызений совести или чувства вины» [5, 355]. Вычеркнув Тироша из разряда «права имеющих», Тувье сам присвоил себе это право. «Давайте оставим мораль», – говорит он Михаэлю на последнем допросе. И следователь понимает, что перед ним человек, который всерьез воспринимает только свои собственные принципы и идеи, которые для него выше человеческой жизни и, в конечном счете, даже выше искусства, слугой которого он себя позиционирует.

С теорией Раскольниковца, трансформируемой в текст романа израильской писательницы, происходят значительные метаморфозы, остается неизменным одно – ее антигуманный смысл. Какая-то скрытая ирония заключена в том, что проповедует ее в произведении человек, хорошо знающий библейские тексты. И если герою Достоевского Библия помогает понять античеловеческую сущность его прежних умозаключений и покаяться, герой Батьи Гур использует ее для оправдания своих принципов. Литературные тексты становятся причиной преступлений, их мотивировкой и их разгадкой, но главное они позволяют понять цель произведения, где на первый план выходят морально-этические проблемы, а детектив превращается в форму, благодаря которой писательница стремится раскрыть свою позицию гуманиста. В этом заключается цель и других романов цикла.

Поместив героев своих произведений в замкнутое пространство специфического коллектива с его «негласными законами, амбициозностью и проблематичной моралью» [7, 355], уродующими сознание, формирующими комплексы, превращающие одних в беспринципных преступников, а других в неадекватных фанатиков, писательница с помощью детективной интриги пытается разрушить этот мир, внушить живущим в нем, что «отставить мораль нельзя», как нельзя оказаться за пределами человеческих ценностей. Иначе – смерть, даже не убийство, а смерть и физическая, и духовная, как в анализируемом романе. Эти мысли скрывает Батья Гур под маской детектива, которую читатель вправе или сорвать или оставить.

Примечания

¹ Необходимо отметить, что прямым переводом с иврита является только роман «Убийство на кафедре литературы». Издатели двух других, отметив, что это переводы, не указали, с какого языка они сделаны. Можем предположить, что это переводы с английского.

² В классическом британском детективе (например, у Агаты Кристи) воссоздаются «обстоятельства и страсти замкнутого общества английской провинции» [7]. Роман «Убийство в кибуце» вызывает аналогии с изображением в советском романе специфической жизни колхозного коллектива [1].

³ Например в названии романа «רצח בקיבוץ : לינה משותפת», который известен как «Убийство в кибуце» употребляется выражение **לינה משותפת**. Его дословный перевод *общий ночлег* ничего не скажет обыкновенному читателю. Это выражение отражает реалии специфического для Израиля коллектива – кибуца. В нем воплощено одно из правил кибуца: дети должны были жить отдельно от родителей в интернате и даже ночевать там.

⁴ «Мадам Бовари – это я», – сказал Флобер. Охайон – это Батья Гур» – утверждает, как и многие, Федерико Хименес Лосантос. Сама же Батья Гур неоднократно заявляла: «Он говорит за меня и в какой-то степени меня дополняет» [Цит. по 10].

Список использованных источников

1. Арбитман Роман. Драма из колхозной жизни [Электронный ресурс] / Роман Арбитман // Ле-хаим. – Декабрь, 2009 – Кислев, 5770. – № 12(212). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/212/novinki.htm>.
2. Александров Николай. Книжечки: Батья Гур. Убийство в кибуце [Электронный ресурс] / Николай Александров. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/books/605253-echo/>
3. Гур Батья. Убийство в кибуце / Батья Гур; пер. К. Лукьяненко. – М. : Текст, 2009. – 415, [3] с.
4. Гур Батья. Убийство в субботу утром / Батья Гур; пер. О. Поборцевой. – М. : Текст, 2007. – 301 [3] с.
5. Гур Батья. Убийство на кафедре литературы / Батья Гур; пер. с ивр. Марьян Беленький. – Иерусалим : Гешарим, 5763 ; М. : Мосты культуры, 2003. – 368 с.
6. Зах Натан. Самсоновы волосы [Электронный ресурс] / Натан Зах // Иерусалимский журнал. – 2002. – № 12. – Режим доступа: <http://www.antho.net/jr/12.2002/07.html>
7. Копельман Зоя. Страсть к убийству [Электронный ресурс] / Зоя Копельман. – Режим доступа: <http://booknik.ru/today/all/strast-k-ubiyistvu/>
8. Прокофьев Дмитрий. Чисто литературное убийство [Электронный ресурс] / Дмитрий Прокофьев // Ле-хаим. – Октябрь, 2003–Тишрей, 5764. – № 10 (138). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/138/n2.htm>.
9. Сапгир Кира. Израиль – кладезь для детективщиков [Электронный ресурс] / Кира Сапгир. – Режим доступа: <http://booknik.ru/today/reports/izrail-kladez-dlya-detektivshchikov/>
10. Шульман Нелли. Наш Михаэль [Электронный ресурс] / Нелли Шульман. – Режим доступа: <http://booknik.ru/today/all/nash-mihayel/>
11. Losantos Federico Jiménez. La estrella fugaz de la novela negra [Электронный ресурс] / Federico Jiménez Losantos. – Режим доступа: <http://www.libertaddigital.com/opinion/libros/la-strella-fugaz-de-la-novela-negra-1276230453.html> mujeres que cuentan crímenes: Batya Gur 2005-07-14.

12. גור בתיה. המרחק הנכון / רצח מוסיקלי / בתיה גור. – ירושלים : כתר, 1996. – 361 עמ.
13. גור בתיה. לינה משותפת : רצח בקיבוץ : רומן בלשי / בתיה גור. – ירושלים : כתר, 1991. – 258 עמ.
14. גור בתיה. מוות בחוג לספרות : רומן בלשי / בתיה גור. – ירושלים : כתר, 1989. – 248 עמ.
15. גור בתיה. רצח בדרך בית-לחם / בתיה גור. – ירושלים : כתר, 2001. – 310 עמ.
16. גור בתיה. רצח בשבת בבוקר : רומאן בלשי / בתיה גור. – ירושלים : כתר, 1989. – 204 עמ.
17. גור בתיה. רצח, מצלמים / בתיה גור. – ירושלים : כתר, 2004. – 374 עמ.

Анотація. *Стаття продовжує серію статей автора, присвячену ізраїльській літературі. У представленій науковій розвідці досліджується відносно молодий для цієї літератури жанр – детектив. Об'єктом дослідження стають детективні романи Бат'ї Гур, до якої, як стверджують, жанр детективу був невідомий в ізраїльській літературі. Специфічна особливість творів письменниці полягає у тому, що в них на перших план висувуються морально-етичні проблеми, а детектив стає формою, через яку автор намагається розкрити свою позицію гуманіста.*

Ключові слова: *детектив, ізраїльська література, університетський роман, жанр, традиція.*

Summary. *This article is the next step in the author's discoveries of Israeli literature. This time it is dedicated to detective story as a comparatively new genre for this literature. Despite the*

popularity among readers Israeli detective story isn't the focus of an active scientific research. The author gives both subjective and objective reasons for that. The article puts an accent on the desire of Israeli detective story to integrate with other national literatures and outlines the perspectives for its development combining the detective traditions with Israeli reality.

On the scientific focus there are the detective novels by Batya Gur who is considered to be a mother of detective genre in Israeli literature. Because of her political views, literary critics were not tolerant and objective to her works, still, her detective stories are worth the serious analysis as they broaden and reveal the peculiarities of a modern detective story in its Israeli version.

The analysis of the novel «Literary Murder» from Michael Ohayon series reveals the peculiarities of her detectives. Batya Gur builds her stories orienting at the best British traditions of this genre but in its unusual version. The author's interest to the laws of a close community (as a stage of the main events) and to the world of its every member makes her work acquire the features of an academic novel. Every Batya Gur's murder has its idea and theory. It makes her, a philologist by background, close to Dostoyevskiy. The non-humanistic Raskolnikov's theory in its grotesque form comes through the hidden and open thoughts of an inspector, different speeches, discussions, questionings, lectures, seminars. Thus, the moral and ethical issues become dominant for the author which she transmits through the form of a detective story.

Key words: *detective story, Israeli literature, academic novel, genre, tradition.*

Отримано: 16 серпня 2017 р.

УДК 821.161.2-3=161.1].09

О. В. Юферева

РОСІЙСЬКОМОВНИЙ ПЕРЕКЛАД РОМАНУ М. МАТІОС «СОЛОДКА ДАРУСЯ»: СТРАТЕГІЯ, ПРИНЦИПИ, НОРМИ

Розгляд перекладу в контексті творчого пошуку інспірував появу різноманітних теорій, у центрі яких опинилися рівні перекладацького тлумачення та зумовлені ними рішення. Літературознавці, актуалізуючи герменевтичну методологію аналізу перекладу художнього твору, зосереджують увагу на проблемах відповідності авторському задуму нового художнього цілого. Саме в цьому дослідницькому спрямуванні окреслюються поняття перекладацької помилки й невдалого перекладацького рішення [6]. Втрата художності, викривлення смислів оригіналу вважається перекладацькою невдачею, помилка ж полягає в порушенні норми мови і перекладу [6, 11]. Питання «відхилення від норми» також є окремою проблемною сферою перекладознавства. Г. Єнчева та І. Струк, аналізуючи характер перекладу мовних аномалій, зокрема, у такому їх вияві, як діалект, просторіччя або соціальний жаргон, наголошують: «Відхід від норми орієнтується на стиль автора, що власне передбачає створення «напруженої» мовної ситуації через яку читачеві слід пройти, аби ознайомитися з індивідуальною особливістю процесу бачення, осмислення і перетворення автором реальної дійсності» [5, 71]. Отже, від передачі перекладачем елементів, що відхиляються від норми, залежить розуміння твору реципієнтом.

Крізь таку оптику відбувається осмислення перекладу роману М. Матіос «Солодка Даруся» російською мовою, рефлексія щодо відчуття «розрядження», «згладжування» стилістичної насиченості, видозміни соціального та психологічного портрету персонажів. Власне, «згладжування» (т.зв. доместикація) як результат перекладацької діяльності є однією з найскладніших проблем теорії перекладу. Наприклад, Л. Венуті вважав «згладжування» фактором «освоєння» або «одомашнення» в перекладі, якому протиставляв форенізацію (відчуження), показуючи різні засоби і мету цих підходів [16]. В. Тороп у монографії «Тотальний переклад» узагальнює напрацювання навколо питання стратегій перекладу й виокремлює кілька принципів відтворення, зокрема, «географічного простору» (йдеться про проблеми перекладу територіальних діалектів): перцептивна конкретизація за допомогою локалізації (коментованого перекладу), натуралізація (адаптування), екзотизація та нейтралізація (зазвичай як універсалізація чи генералізація) [13, 100].

Формування двох протилежних методів екзотизації та нейтралізації має тривалу історію в практиці й теорії перекладу художньої літератури. Ще у 1930-х рр. А. Федоров, окреслюючи сутність цих підходів, наголошує, що завдяки настанові «згладжування» як наслідку нейтралізації не відбувається ні збереження національно-мовних і предметних особливостей оригіналу, ні впровадження специфічних рис своєї мови [1].